
Глава 35. Маленький чжицин (семь)

Спустя несколько дней созвали общее собрание жителей. Гуйхуа вывели перед всеми и сделали «образцовым примером» порочного поведения.

На это пошли скорее от безысходности: чжицины так плотно насели на секретаря деревенской партийной ячейки, требуя справедливости, что тот понял — миром дело не кончится. Впервые столкнувшись с таким единодушием городской молодежи, он собрал совет деревни. Судили недолго: правила есть правила, и делать исключение для Гуйхуа никто не собирался — дай слабину один раз, и потом проблем не оберешься.

В день собрания на площади яблоку негде было упасть. Пришли и отец с сыном из семейства Бай. Они забились в самый дальний угол, а их лица, мрачные и потемневшие, напоминали грозные тучи.

Поскольку девочка была несовершеннолетней, секретарь ограничился суровым выговором, после чего заставил её раскрыть ладони и нанес двадцать ударов тонким прутом. В довершение наказания у неё аннулировали все трудовые книжки, что она с таким трудом копила. Под тяжелыми, полными неприязни взглядами односельчан Гуйхуа разрыдалась прямо на помосте. Она бессильно осела на доски, захлебываясь слезами и выкрикивая имя отца, умоляя его о спасении.

Но старик Бай сейчас и сам был не в силах себе помочь, не то что дочери. Люди, сидевшие рядом, брезгливо отодвигались, не желая иметь с ним ничего общего.

— И как только ребенка воспитывали? — доносился до него приглушенный шепот. — Вырастили воровку, на чужое добро позарилась...

Отец Бай Цзяньшэна яростно затаился трубочкой и, услышав эти слова, вскинул голову. Односельчанин, поймав его тяжелый взгляд, на миг смутился, но тут же вспомнил, что закон на его стороне, и смело уставился в ответ:

— Ты чего на меня зенки пучишь? Сказать уже нельзя?

Старик Бай, всё ещё не растеряв гонор бывшего начальника, повысил голос:

— Язык прикуси! Мелешь невесть что!

— Это я-то мелю?! — возмутился крестьянин. — Я правду говорю, секретарь только что при всех объявил... Воровство оно и есть воровство. Раз хватило совести красть, так имей совести и признать это!

Слова его были просты и били в самую цель, вызвав одобрительный гул в толпе. Бай Цзяньшэн сидел на скамье, осунувшийся и бледный, не проронив ни слова. Он даже не пытался урезонить отца. Тот явно еще не протрезвел от собственного величия, полагая, что он всё еще тот самый влиятельный бывший секретарь, перед которым все должны лебезить.

Но времена изменились. Теперь, когда их семья стала всеобщим посмешищем, о каком уважении могла идти речь? Лицо, которое он берег десятилетиями, было окончательно растоптано.

Позже председательница женсовета обыскала узелок Гуйхуа. Ручки там не оказалось, зато нашлась куча всякого хлама, который, как выяснилось, давно пропал у других жителей. Чего там только не было: от копеечных заколок до дешевых матерчатых сумок, от ярких наклеек до подтаявших леденцов. Односельчане один за другим узнавали свои вещи. В основном это были детские безделушки — родители и внимания не обращали, когда те пропадали.

Взрослые, глядя на этот ворох краденого, только диву давались.

— А я-то всё голову ломал, почему у моего третьего ластика вечно пропадают! — воскликнул один из мужчин. — Еще ругал его, думал, растеряха, а оно вон как...

Оказалось, в деревне завелась настоящая крыса!

Чем больше люди об этом думали, тем меньше им хотелось видеть семейство Бай в своих краях. Когда они пришли к секретарю с требованием выселить их, тот лишь горестно нахмурился:

— Как же я их выгоню? Куда?

Но жителей было не унять. Соседство с ворами не сулило ничего хорошего. Глядя на то, как ведут себя члены этой семейки, все понимали: это настоящее воровское гнездо! Кто знает, не позарятся ли они завтра на что-то подороже? В эти времена еда и вещи были в дефиците, а деньги доставались потом и кровью — вкалываешь до седьмого пота, чтобы хоть пару юаней заработать. Если и это украдут, то всей семье останется только зубы на полку положить.

Видя такую решимость, секретарь сдался:

— Ладно, поспрашиваю в соседних деревнях, может, кто и примет их.

Ему и самому это порядком надоело. Если Баи уедут, в деревне наконец воцарится долгожданный покой.

Тем временем подготовка к образцовой опере шла полным ходом. Первой постановкой выбрали «Хитростью взять гору Вэйхушань». В день генеральной репетиции председательница женсовета специально пригласила деревенского парикмахера, чтобы тот привел актеров в

надлежащий вид. В моде тогда были не челки, а короткие, аккуратные стрижки «под ёжик». Всех постригли под одну гребенку, и Ду Юньтин, чувствуя, как сердце замирает от волнения, поспешил к зеркалу.

К счастью, Юй Хань был от природы красив, и даже короткая стрижка не испортила его нежных черт. Лицо осталось таким же точеным и выразительным. Будь на его месте кто-то менее симпатичный, с такой прической он бы точно напоминал лохматый плод киви.

Вскоре выдали и сценические костюмы. Примерив свой, Ду Юньтин обнаружил, что тот ему великоват. Председательница, прикладывая китель к его плечам, покачала головой:

— Эх, товарищ Юй, плечики-то у тебя совсем узкие.

Она весело расхохоталась:

— Почти вполтину уже, чем у моего благоверного!

«...»

Юноше было совсем не до смеха.

— Придется перешивать, — вздохнула женщина. Она велела принести мел и принялась размечать ткань. — Здесь распорем, сместим шов вправо... Да, вот так будет в самый раз.

Она быстро распоролла нитки и, ловко орудуя иглой, подогнала одежду по фигуре.

— Ну-ка, примерь еще раз!

Когда Ду Юньтин снова надел китель, возражений ни у кого не осталось. Гао Ли и другие девушки-чжицины застыли, не в силах отвести от него глаз.

«Хитростью взять гору Вэйхушань» — постановка масштабная, мужских ролей в ней было много. Но деревенские парни, привыкшие к тяжелому труду, были смуглыми и грубыми. На их фоне юноша буквально сиял. Даже если он просто молчал, взгляды окружающих невольно прикипали к нему.

Председательницу это не беспокоило — главный герой и должен быть притягательным. Но была другая проблема, которая не давала ей покоя:

— Товарищ Юй Хань, ты хоть раз оружие в руках держал?

Трус Ду виновато мотнул головой.

— Эх, жаль, — разочарованно протянула женщина. — Без этого во взгляде нет нужной искры, понимаешь? Нет выправки.

Юй Хань рос слабым ребенком, и такие вещи были ему в новинку. Он не то что не стрелял, он и настоящего ружья-то вблизи не видел. Оружие в его руках казалось чужеродным предметом, он держал его так скованно, будто это была тикающая бомба. На настоящего солдата он походил меньше всего.

Наставница пыталась учить его полчаса, но становилось только хуже — фальшь так и сквозила в каждом движении. Не в силах больше смотреть на эти мучения, она вскочила со стула:

— Подождите меня здесь, пойду спрошу одного человека...

Ду Юньтин понял: ему ищут учителя. Неужели в деревне нашелся какой-то мастер охоты?

Он продолжал вертеть в руках бутафорскую винтовку, как вдруг услышал звонкий голос председательницы женсовета:

— Товарищ Юй, ну всё, смотри, кого я привела тебе в учителя!

Юноша обернулся и встретился со знакомым взглядом. Гу Ли, чеканя шаг, переступил порог. В ярко освещенной комнате отчетливо виднелась маленькая родинка на его надбровной дуге. Его взор тут же скрестился с глазами чжицина. Тот вскочил со стула, и его лицо озарилось радостью:

— Второй брат Гу!

Голос прозвучал так сладко, будто в нем растворилась патока. Гу Ли негромко откликнулся, на миг помедлил, но всё же не удержался и провел ладонью по коротко стриженной макушке партнера.

— Постригся?

Маленький чжицин послушно кивнул.

— Неплохо, — сухо оценил Гу Ли.

Волосы были мягкими, на ощупь напоминая мех молодого оленя, которого он когда-то подстрелил в лесах во время службы. В этом костюме юноша тоже выглядел превосходно.

Армейский ремень подчеркивал тонкую талию и длинные ноги, а форменная фуражка делала его лицо совсем юным и нежным, придавая при этом облик бравого воина.

Председательница, уже объяснившая суть дела, добавила:

— В нашей деревне только товарищ Гу Ли по-настоящему знает толк в оружии. Товарищ Юй, пусть он тебя как следует поднатаскает, научит этой солдатской стати!

Получив разрешение, господин Гу встал прямо за спиной юноши. Репетиция остальных актеров продолжалась, на них никто не обращал внимания, и они вдвоем в тихом углу принялись отрабатывать стойку.

— Рука, — низкий голос мужчины прозвучал над самым ухом. Он слегка надавил на запястье чжицина. — Держи крепче.

Другая рука несильно хлопнула его по пояснице.

— Спину прямее, живот подтяни! Крепче сжимай приклад!

Вроде бы слова были самыми обычными, но Ду Юньтин чувствовал, как краска заливает его лицо. Мужская страсть к оружию, должно быть, заложена в самой крови, и пока Гу Ли наставлял его, юноша не мог перестать украдкой любоваться им. В этом спокойствии и уверенности, с которой тот брал в руки винтовку, таилось некое очарование.

Особенно его завораживали пальцы — длинные, с отчетливыми суставами. Когда они сжимали тяжелую рукоять, казалось, что та не весит ни грамма. Юноша смотрел на эти руки, ласкающие металл, и во рту у него пересыхало. Он отчаянно хотел, чтобы эти ладони коснулись его самого.

Внезапно рука мужчины скользнула к его талии. Это мимолетное прикосновение под одеждой обожгло кожу, словно каленое железо. Ду Юньтин вздрогнул, по его шее побежали мурашки, а тело пробил мелкая дрожь. Это наглядно показывало, насколько чувствительным и неопытным было его тело.

Гу Ли на мгновение замер, явно не ожидая такой бурной реакции, но руку убирать не спешил.

— Сосредоточься, — вполголоса произнес он.

Голос был настолько тихим, что его никто не услышал. У юноши подкосились ноги. Он обернулся, ища его взгляда, и увидел в глубине глаз мужчины точно такое же пламя. Этот неистовый огонь преобразил всегда строгого и сдержанного господина Гу — казалось, божество сошло со своего пьедестала, обретя человеческие страсти. Юноша слышал его дыхание, ставшее тяжелым и прерывистым.

— Второй брат Гу...

Ду Юньтин когда-то читал, что двое любящих людей — как две спички: стоит им оказаться рядом, и вспыхивает искра. Тогда он только фыркнул, посчитав это дешевой сентиментальностью, но теперь, когда желанный партнер был рядом, он понял — это и есть настоящая близость.

Они только недавно признались друг другу в чувствах, и ему хотелось проводить вместе каждую секунду. Но время было суровым, а за спиной всегда маячили тени семейства Бай... возможности остаться наедине почти не выпадало. Только под покровом ночи они могли тайком встретиться и обменяться долгими, тягучими поцелуями. Каждый раз Трису Ду казалось, что мужчина готов буквально поглотить его, растворить в себе. Но до чего-то большего дело пока не доходило.

Гу Ли был в самом расцвете сил, и сейчас, когда их тела соприкоснулись, страсть вспыхнула с новой силой. Юноша хоть и побаивался боли, но сама мысль о близости не вызывала у него отторжения. Это казалось чем-то запретным, но в этой греховности таилось высшее блаженство — радость от того, что господин Гу так жаждет его. Даже боль в такие моменты казалась сладкой и чистой.

Но вокруг были люди. Другие актеры репетировали в той же комнате, до них доносились обрывки фраз, наставления председательницы, звуки песен — но всё это пролетало мимо ушей. Когда Гу Ли наконец убрал руку, Ду Юньтин услышал его тяжелый, едва слышный вздох.

Трус Ду прижал ладонь к груди. Сердце готово было выпрыгнуть из ребер.

Позже председательница пришла проверить результаты «спецподготовки». Юноша схитрил: он подправил стойку, но не довел её до идеала. Мужчина это заметил, но промолчал. Женщина осмотрела его и вынесла вердикт:

— Прогресс есть, но этого мало.

Она была человеком дела и потому снова обратилась к Гу Ли:

— Пожалуй, придется тебе еще помучиться с товарищем Юем, позаниматься с ним частным образом. Эта опера очень важна для деревни, мы должны показать блестящий результат...

Взгляд мужчины замер на маленьком чжицине.

— Хорошо, — кивнул он.

Их глаза встретились. На бледных щеках юноши проступил румянец, и он поспешно опустил голову.

«А председательница-то знает толк... — Ду Юньтин восторженно сообщил Системе. — Видит, что я страдаю без господина Гу, и сама подносит мне повод для встречи на блюдечке!»

[7777: ...]

Система была готова поклясться: женщина руководствовалась исключительно интересами дела, а вовсе не желанием свести их вместе. Это же учеба!

«Я тоже собираюсь исключительно учиться», — резонно возразил Ду Юньтин.

**[7777: Чему ты собрался учиться?! Ты собрался заниматься бип и бип-бип!]

Ду Юньтин не совсем понял, что это за звуки издает Система. Неужели это какое-то подражание природе? Тогда это должно звучать как «ох» или «ах».

Вечером Ду Юньтин, которому требовались «дополнительные занятия», прихватил свою бутафорскую винтовку и отправился к господину Гу на урок. Ученик он был единственный, так что Гу Ли заранее согрел воды и навел кружку — питательного солодового напитка. Ду Юньтин присел на край кровати, сделал несколько глотков и блаженно вздохнул.

Деревенская еда была, мягко говоря, скудной. Лепешки, которые им выдавали, были черствыми как камень — их и разломить-то было трудно, не то что переварить. Желудок Юй Ханя был слабым, и в последние дни его часто мучили боли, но теплый сладкий напиток принес мгновенное облегчение.

Видя, как юноше понравилось угощение, Гу Ли собрал остатки порошка в пакет и велел забрать с собой. Но маленький чжицин поспешно запротестовал:

— Второй брат Гу, не надо.

Мужчина поджал губы и хмуро посмотрел на него. Ду Юньтину даже почудилось в этом взгляде некое подобие обиды, и он поспешил объяснить:

— Дело не в том, что я не хочу. Просто, Второй брат Гу, я раньше никогда такого не покупал, и если я вдруг притащу это в комнату, все сразу заметят...

Он хитро прищурился:

— Пусть лежит здесь. Если мне захочется, я просто приду к тебе.

Так у него появился еще один законный повод для визита. Трус Ду так и сиял от собственной смекалки. Гу Ли молча убрал пакет, еще раз взглянул на довольного юношу и глухо спросил:

— Начнем урок?

— Да, — кивнул прилежный ученик. — Начнем...

Гу Ли достал оружие. Сначала в ход пошла бутафорская винтовка Ду Юньтина. Она была небольшой и изящной, но хорошо ложилась в руку. Мужчина перехватил её, показывая, как нужно правильно целиться. Весь вводный инструктаж занял не более десяти минут, завершившись коротким сухим щелчком затвора.

Закончив с этим, юноша решил, что достоин большего, и принялся упрашивать показать «настоящее» оружие господина Гу. Мужчине ничего не оставалось, как достать свою тщательно оберегаемую ценность.

Ду Юньтин впервые видел его оружие в этом мире. По сравнению с его игрушкой, этот ствол был куда тяжелее и длиннее — с первого взгляда было ясно, что он обладает сокрушительной мощностью и полон патронов. Корпус лоснился от смазки, дуло было идеально ровным, а два магазина выглядели внушительно и полновесно.

Ду Юньтин сразу понял: это превосходный экземпляр.

Вот только он и с маленьким-то ружьем едва справлялся, а уж это требовало невероятной силы в запястьях и железного контроля — даже просто держать его на весу было тяжким трудом. Юноша попробовал ладонью ощупать ствол, слушая низкие наставления мужчины:

— Сожми рукоять. Приготовься.

Ду Юньтин послушно обхватил оружие пальцами. Видимо, его давно не пускали в дело, так что ствол требовал тщательной чистки. Не имея под рукой нужных инструментов, юноша принялся натирать металл ладонями, пока дуло не засияло. Оружие в его руках несколько раз едва не сработало раньше времени.

Гу Ли поправил его позу, велел для начала «наладить контакт» с инструментом. Ду Юньтин долго приноравливался, несколько раз ошибался, но в конце концов уловил ритм. Чистка, захват, изготовка — и вот долгожданный залп!

Когда мощный поток вырвался наружу, юноша не успел уклониться, и несколько горячих капель попало ему на щеку. Его запястья ныли, а ладони всё еще горели от небывалой отдачи. Он замер, не в силах пошевелиться от потрясения.

Мужчина притянул его к себе и бережно, капля за каплей, слизал всё с его лица.

— Больно? — прошептал он.

Он перехватил дрожащие руки юноши и прижался губами к его ладоням. На улице всё еще стояла жара, и после такой «тренировки» оба взмокли от пота. Простыни, служившие им полем боя, теперь превратились в неопрятный ком. Гу Ли поднялся, чтобы принести воды и обмыть его.

Вода в котле уже согрелась. Юноша стоял за дверью, а мужчина ковш за ковшом обливал его тело, после чего насухо вытер полотенцем, укутал в одеяло и уложил на кровать.

Ду Юньтин лежал в тепле, нашаривая свою одежду. Долго оставаться здесь они не могли. В это время такие отношения были крайне опасны, и любая оплошность могла обернуться бедой. Если он вернется слишком поздно, у соседа-чжицина возникнут вопросы. Трус Ду мечтал прожить в этом мире с господином Гу до самой старости и не собирался так рисковать. Приведя себя в порядок, он снова оделся, собираясь уходить.

Гу Ли застегнул пуговицы на куртке:

— Я провожу.

— Не надо, — улыбнулся юноша. — Тут два шага...

— Я провожу, — не терпящим возражений тоном повторил Гу Ли.

Его мощные плечи и уверенные движения внушали такое чувство безопасности, что Ду Юньтин не стал спорить. Он пошел следом за ним. Мужчина нес фонарь впереди, а чжицин нарочно наступал на его следы, по-детски пытаясь поймать тень господина Гу. Тот, словно чувствуя это, несколько раз оборачивался, и Трус Ду поспешно отдергивал ногу. Но когда мужчина отворачивался, в его глазах явно читалась усмешка. Он молча поднял фонарь повыше, и маленькому чжицину пришлось подойти ближе, стараясь идти с ним шаг в шаг.

Они уже почти дошли, когда впереди послышались звуки спора. Один из голосов показался Ду Юньтину знакомым — это был «дешевый» братец господина Гу, Гу Цян.

Тот сегодня снова щеголял в обновке и со свежей стрижкой. С крайне недовольным видом он выговаривал что-то плачущей девушке. Глаза бедняжки были полны слез, а голос дрожал от страха привлечь чужое внимание:

— Гу Цян, ты ведь мне совсем другое обещал!

Тот пренебрежительно фыркнул и вырвал рукав из её рук.

— Не смей меня лапать! С чего ты взяла, что он мой? Есть доказательства?

Девушка, всхлипывая, не отставала от него:

— Нет... но мы же с тобой встречались...

— Это ты так решила, я тебе ничего не обещал, — отрезал парень.

От этих слов девушка побледнела и зашаталась, словно сломленная ветром ива.

— И чего ты ко мне привязалась? У Гу Ли больше нет никаких выплат, что ты с меня возьмешь? Хочешь всю жизнь в этой дыре прозябать?

— Но надо же что-то делать! — взмолилась она.

— Что делать?! — он вытаращил глаза. — Ничего не сделаешь, пока не вытрясешь деньги из Гу Ли! А если нет — забудь о свадьбе. У меня ни гроша за душой, на что я тебя содержать буду?

Он прибавил шагу, отмахнувшись от неё:

— Проваливай! Ступай домой и не смей больше за мной таскаться!

Девушка, спотыкаясь, бросилась вслед за ним, но куда ей было угнаться за мужчиной. Вскоре она обессиленно замерла на обочине, обхватив живот руками и горько рыдая. Ду Юньтин, наблюдая за этой сценой, быстро сложил два и два. Похоже, его новоиспеченный родственничек не только бездельник, но и подлец, обманувший наивную девчонку.

Он взглянул на господина Гу — тот стоял, плотно сжав губы. Было ясно, что он тоже не в восторге от выходок брата.

— Он что, обрюхатил её? — шепотом спросил юноша.

Если так, то дело дрянь. В эти годы беременность вне брака — позор на всю жизнь. В лучшем случае её ждала публичная порка на собрании, в худшем — на ней никто и никогда не женится, разве что какой-нибудь дряхлый старик из соседней деревни. Жизнь бедняжки была бы окончательно погублена.

— Я всё разужнаю, — коротко ответил Гу Ли.

После этих слов Ду Юньтин успокоился. Но кто бы мог подумать, что, не дожидаясь результатов расследования, эта самая девушка на следующее утро сама явится на порог дома

Гу Ли. Едва войдя, она рухнула перед ним на колени.

— Товарищ, — прорыдала она, — я слышала, вы брат Гу Цяна... Пожалуйста, умоляю вас, заставьте его жениться на мне!

Ду Юньтин потерял дар речи.

«Ох, сестренка, не дело это... неужели ты настолько в отчаянии, что готова связать жизнь с таким ничтожеством?»

«Я думаю, звать тебя "Двадцать восемь" слишком хлопотно», — Ду Юньтин задумчиво обратился к Системе.

[7777: ...]

«А давай-ка упростим? Дважды восемь — шестнадцать, один плюс шесть — это семь... Ладно, одинжды шесть — шесть. Решено, отныне ты Сяо Лю!»

[7777: ...]

[Чего?]**

<http://bllate.org/book/15364/1412604>